

Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф.М. Достоевского : монография / пер. с болг. Т. Нейчевой ; предисл. И. Есаулова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.

УДК 821.161.1-31(Чехов А. П.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-8,444

С.Н. Черепанова

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ДОМА В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ДРАМА НА ОХОТЕ»

Аннотация. В статье рассматривается трансформация образа дома в «Драме на охоте» А. П. Чехова. Пространство дома в чеховской повести анализируется, главным образом, в рамках традиции усадебного текста (на примере дома графа Карнеева, домика лесничего, дома Камышева-Зиновьева). Выявление традиционных сюжетных мотивов позволило сделать вывод о переосмыслении Чеховым образа дома, который перестает быть сакральным местом, воплощающим связь поколений и традиций, и становится средоточием праздной пошлой жизни, преступления, хаоса.

Ключевые слова: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные образы, повести.

Дом – одно из важнейших понятий русской литературы. Особенно важную роль образ дома играет в усадебном мире. В.Г. Щукин, цитируя Гастона Башляра, согласен, что дом – это «первый мир человеческого существа», так как прежде чем выйти в свет, «человек, как в колыбели, покоится в лоне дома» [Щукин 2007: 172]. Дом – внутреннее пространство, которое противостоит внешнему зловещему миру, сохраняя преемственность поколений, семейных традиций. И.В. Шарданова, опираясь на труды западных и отечественных литературоведов, говорит об архитектурном образе дома: «дом является центром человеческой вселенной, пространством, выделенным из общего космоса и соотносимым с внутренним миром человека» [Шарданова 2008: 52].

В данной работе мы рассмотрим художественные особенности воплощения образа дома в «Драме на охоте» А.П.Чехова. Очевидно, что пространство дома в чеховской повести, главным образом, соотнесено с традицией усадебного текста¹.

В рамках обозначенной проблемы, прежде всего, необходимо рассмотреть особенности изображения Чеховым дома графа Карнеева. Обращает на себя внимание отделенность усадебного дома от сада всего лишь «большой стеклянной дверью»: «Окна и двери в комнатах были открыты настежь, но, несмотря на это, в воздухе стоял тяжелый, странный запах. То была смесь запаха ветхих, заброшенных покоев с приятным, но едким, наркотическим запахом тепличных растений, недавно принесенных из оранжереи в комнаты... <...> обойдя все одиннадцать комнат, не встретил ни одной живой души. В доме царил такая же пустыня, как и вокруг озера...» [Чехов 1975: 253–254]. Посредством открытых настежь окон и дверей, а также запахов, пространство дома и усадьбы сливается в единый локус, органическое целое, следовательно, стираются границы между внутренним миром (мир дома) и внешним (мир природы).

Одна из устоявшихся традиций усадебного текста в русской литературе – описание богатого яствами семейного стола. За столом собираются все поколения большой семьи, еда становится символом достатка, изобилия, полноты жизни.

Например, в «Обломове» И.А.Гончарова читаем: «Об обеде совещались целым домом... Всякий предлагал свое блюдо: кто суп с потрохами, кто лапшу или желудок, кто рубцы, кто красную, кто белую подливку к соусу... Индейки и цыплята, назначаемые к именинам и другим торжественным дням, откармливались орехами, гусей лишали моциона, заставляли висеть в мешке неподвижно за несколько дней до праздника, чтобы они заплыли жиром. Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы

¹ О трансформации усадебного хронотопа в «Драме на охоте» мы писали ранее [см.: Черепанова 2016а; Черепанова 2016б].

варились, какие пироги пеклись в Обломовке!» [Гончаров 2000: 114–115].

А вот так встречает гостя в своем доме граф Карнеев: «Тут (*в столовой*), на сервированном столе, уже “кипела жизнь”. Бутылки всех цветов и всевозможного роста стояли рядами, как на полках в театральных буфетах, и, отражая в себе ламповый свет, ждали нашего внимания. Соленая, маринованная и всякая другая закуска стояла на другом столе с графином водки и английской горькой. Около же винных бутылок стояли два блюда: одно с поросенком, другое с холодной осетриной» [Чехов 1975: 276]. Читатель понимает, что все убранство стола предназначено для увеселения господ. Это не праздничный стол, которым принято радушно встречать гостя, а праздный, предполагающий пустую, бесполезную и бесцельную трату времени.

Не случаен мотив праздника в «Драме на охоте». Он также является характеристикой усадебного мира: «Так или иначе, грубо или утонченно, усадьба стремилась создать иллюзию вечного праздника – вопреки деревенской скуке и заботам по хозяйству» [Щукин 2007: 233]. Но в чеховской повести мы не находим отражения годового ритма усадебных праздников (заданных православным календарем), дополненного торжественно отмечаемыми именинами владельца и престольным праздником. Здесь представлен наиболее «грубый» вариант воплощения идеи вечного праздника, т.е. празднества в графском доме давно превратились в примитивное пьянство, заполняя все пространство усадьбы: «Когда мы кутим, мы не стесняем себя пространством, не ограничиваемся одной только столовой, а берем весь дом и часто даже всю усадьбу...» [Чехов 1975: 282].

Состояние опьянения для Камышева – это счастье, ощущение полноты жизни, которого ему так не хватает. Камышев сознательно вгоняет себя в это состояние, потому что такого «давно уже не испытывал, живя у себя в деревеньке» [Там же: 276]. В такие минуты главный герой чувствует в себе необъятные силы, стремление совершить подвиг: «Получилось опьянение, какое я именно и хотел, когда ехал к графу. Я стал

чрезмерно бодр душою, подвижен, необычайно весел. Мне захотелось подвига неестественного, смешного, пускающего пыль в глаза...» [Там же: 281]. Собственно, Камышев и совершит поступок, «пускающий пыль в глаза». Убийство молодой девушки главному герою будет казаться подвигом, потому что ему очень хочется, чтобы все узнали, как ловко он обошел следствие, какой недюжинный у него ум. Трагедия заключается в том, что в этой ситуации жизнь человека для Камышева теряет всякую ценность.

Еще одним важным событием, проходящим в имени Карнеева, станет свадьба управляющего Урбенина и Оли Скворцовой. Опираясь на концепцию В.Г. Щукина, мы выявили лексику, характеризующую состояние Оли до бегства со свадьбы: «тяготилась», «стыдилась», «молчала», «насиленно улыбалась», «делала усиленные глотательные движения», «накапали рыдания». Казалось бы, девушка испытывает огромные душевные муки. Но наравне с обнаруженным лексическим рядом мы читаем и следующее: «поглядывала на нас: не замечаем ли мы, что ей хочется плакать?», «из глаз ее выжались слезы». Глагол «выжались» наталкивает читателя на понимание намеренности действия, на некую театральность в поведении героини. Оля Урбенина словно играет в свадьбу, играет роль молодой невесты, которой приходится выходить замуж за старика. Теперь обратимся к состоянию Оли, вернувшейся к столу после свидания с Камышевым-Зиновьевым: «Перед дверью в столовую Оля поправила свою прическу, оглядела платье и вошла. На лице ее не заметно было смущения. Вошла она... очень храбро» [Там же: 328]. Такая разительная перемена произошла с героиней: смущающаяся, робкая девушка вдруг проявила самообладание и легко справилась со своими эмоциями.

Е.В. Сахарова, анализируя «Повести Белкина» А.С. Пушкина, выделяет мотив бегства из родного дома, который связан с садовым топосом. Причиной бегства пушкинской героини, конечно, стала любовь. В «Драме на охоте» А.П. Чехова также присутствует этот мотив. На наш взгляд, он связан с пространством дома, и главным движущим

чувством становится ненависть Оли к мужу. Она сбегает из дома родного мужа в дом графа. В отличие от тщательно спланированного побега пушкинской Маши, побег Оли кажется внезапным. Урбенина ищет защиты от мужа-тирана. Но, как замечает Камышев, если ее «оскорбили», то почему девушка сбегает к графу, а не к родному отцу? Разумными кажутся размышления главного героя: «Не хотелось верить, что у этой глупой красивой кошки было так мало достоинства, что она охотно огласится, чтобы пьяный граф стал судьей мужа и жены» [Там же: 343]. Однако на это указывает и быстрая перемена настроения Оли. Таким образом, Ольга Урбенина сознательно остается в доме графа, сознательно выбирает праздную жизнь, сознательно становится его содержанкой, жертвуя честным мужем, своей честью и любовью.

Мотив праздника возникает и в финале повести: по стечению обстоятельств цыгане встречают раненую Ольгу песней; весть о смерти принес «пьяный мужик», которому не поверили; в эту минуту дом графа собирает практически всех героев под своей крышей.

Хаос, царящий в доме, поддержан отсутствием в нем хозяина. Заменяя хозяина, распоряжения отдает Камышев: «Здесь нет хозяина... Здесь царит хаос» [Там же: 376]. Примечательно, что после смерти Ольги Камышев проводит дознание в этом же доме: «Предварительное дознание делал я в мозаиковой гостиной, в которой любил когда-то валяться на мягких диванах и любезничать с цыганками» [Там же: 384].

В доме графа Карнеева происходят события, отражающие нравственную сторону жизни русского общества конца XIX века: пьянство, безудержное веселье, смерть. Дом графа уже не является защитой от страшного внешнего мира, т.к. дом стал сродни проходному двору.

В пространстве чеховской повести немаловажную роль играет и дом лесничего, который автор называет не иначе как «домик», используя уменьшительно-ласкательный суффикс, что не только указывает на небольшие размеры дома, но и создает доверительное отношение к пространству лесничего: здесь «уютно, чистенько и тепло» [Там же: 269]. Есть и обратная

сторона маленького пространства «домика» – кажется, что вещам не хватает места: стены увешаны фотографиями и аттестатами, стулья «жмутся» к стенам, много «лишних», которые «девать некуда»; «тут же теснятся кресла с диваном... и круглый стол», здесь же стоит этажерочка с книгами и диван, на котором «дремлет ручной заяц». Все это создает ощущение тесноты, желания большего пространства.

Хозяин «домика», отец Оли Скворцовой, болен, он сумасшедший. В русской литературе тема безумия имеет давнюю традицию. К ней обращались Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский. По верному замечанию Г.Г. Хубулавы, тема безумия «перекликается с темами духовидчества, юродства и мессианства» [Хубулава 2014: 63], поэтому за словами и действиями юродивых и сумасшедших скрывается истина.

Скворцов хочет оградить свой дом, уютный и семейный, от жизни извне, поэтому постоянно проверяет, заперты ли двери и окна, ему кажется, что воры смогут пробраться в дом. Желание Урбенина схоже с желанием сумасшедшего отца Оли – оградить свою возлюбленную от безнравственных хозяев, которые хотят посмотреть «чего-нибудь эдакого... из ряда вон выдающегося <...> новеньких девочек» [Чехов 1975: 258]. Собственно поэтому управляющий так не хотел ехать к лесничему и при первой возможности заказал экипаж господам.

Состояние не-нормы, болезни проникает во все элементы структуры произведения. Герои «Драмы...», так или иначе, оказываются ненормальными, вне нормы. Примечательны слова Камышева-Зиновьева, адресованные хозяину усадьбы: «Вообще, не солжешь, если на воротах своей усадьбы повесишь вывеску: “Сумасшедший дом”... У тебя здесь настоящий Бедлам!» [Там же: 275]. Эти слова очень точно характеризуют усадебный мир времени графа Карнеева.

На наш взгляд, в повести Чехова стоит рассмотреть еще одно жилое пространство – это квартира главного героя, Камышева-Зиновьева. В пространстве дома Камышева-Зиновьева читатель встречает атрибуты, характерные для усадебного текста. Это детали, которые В.А. Доманский справедливо считает важными для темы памяти: «Память о прошлом является важной

особенностью усадебного текста, в которой многое напоминает об ушедшем: портреты и могилы предков, ветхие дома, усыхающие деревья, старая мебель, книги, вещи, семейные легенды и предания» [Доманский 2006: 58].

В произведении Чехова читатель видит два портрета: Поспелова – предшественника Камышева-Зиновиева и Оли Скворцовой. Но в данном случае портреты не связаны с сохранением семейных ценностей. Поэтому не случайно в усадебном пространстве повести нет никаких картин, что может говорить о пренебрежении владельцем усадьбы традициями, памятью предков.

В маленьком доме Камышева происходят важные события для сюжета повести: здесь мы видим, как работает следователь и «раскрывает» преступление; в своем доме Камышев убивает Ивана Демьяныча; здесь Камышев получает вести о попытке самоубийства Нади Калининой и убийстве Оли Скворцовой. Интересен тот факт, что оба сообщения передаются через окно. Ранее окно в усадьбе было местом, «где наиболее всего в погожие дни» переживалась «гармония с великолепным пространством природы, дневной или ночной», а в ненастные дни воплощало «хрупкую защищенность перед разыгравшейся стихией» [Щукин 2007: 254]. Сейчас, в повести Чехова, через окно проникает смерть.

Таким образом, рассмотрение образа дома в повести «Драма на охоте» позволяет нам сделать вывод о том, что дом в чеховскую эпоху больше не является сакральным местом, воплощающим связь поколений и традиций. Напротив, теперь это место праздной жизни и безнаказанных злодеяний. Поэтому не случайно ни в графском доме, ни в доме следователя нет хозяйки, нет женской руки, которая могла бы стать хранительницей семейных ценностей, домашнего очага. Оля, став женой Урбенина, эту функцию не выполняет, т.к. у нее другие ориентиры, другие ценности. Чехов переосмысляет традиционный для прежнего усадебного мира образ дома, раскрывая пошлую, бесцельную жизнь его обитателей, погруженных в хаос эпохи безвременья.

Литература

Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 2000. Т. 4: Обломов.

Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томск. гос. ун-та. 2006. № 291. С. 56–60.

Хубулава Г. Г. Тема безумия в русской литературе // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 1. С. 61–70.

Черепанова С. Н. «Драма на охоте»: разрушение гармонии усадебного хронотопа [Электронный ресурс] // LITTERA TERRA : материалы V Междунар. конф. молодых ученых «Littera terra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», 2-3 декабря 2016 г., Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. И. А. Семухина. Екатеринбург : [б. и.], 2016а. Вып. 11. С. 134–145. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29001020>.

Черепанова С. Н. Образ сада в повести А.П. Чехова «Драма на охоте» // Мировая литература глазами современной молодежи : сб. материалов междунар. студ. науч.-практ. конф., 25 ноября 2016 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016б. С. 303–307.

Чехов А. П. Драма на охоте: (Истинное происшествие) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1975. Т. 3. С. 241–416.

Шарданова И. В. Анализ мифосимвола «дом» в новелле Э. По «падение дома Ашероф». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-mifosimvola-dom-v-novelle-e-po-padenie-doma-asherov> (дата обращения: 23.02.2017).

Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М. : РОССПЭН, 2007. С. 157–458.